

Лионелла
Вильяж

Приют жены
Владыки Пепла

Лионелла Вильяж

Приют жены Владыки Пепла

<https://litres.ru/74340997>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я не смогла родить наследника Владыке Пепла. А затем меня обвинили в попытке заговора и подлоге счетов. Доверие было разрушено, а муж-повелитель драконов поверил ложным обвинениям. Изгнанная в чужую страну, я стала Тессой — женщиной без денег и прошлого.

Но вместо того чтобы сломаться, я открою двери старого полуразрушенного здания для тех, кого мир забыл: голодных беспризорников и сирот. Мне не повезло иметь дитя, а у них нет родителей.

Ну и что, что теперь каждый день - это борьба с холодом, бюрократией и страхом. Но под тёплым светом камина, среди первых детских улыбок и доверия, которое приходится заслуживать по крупицам, рождается настоящий дом.

Слава о «Доме у Ручья» доходит даже до Пепельных Вершин. И когда мужчина, изгнавший меня без единого сомнения, приезжает узнать правду, он находит не сломленную изгнанницу, а женщину, которая построила мир на руинах.

Готов ли он попросить прощения? И открою ли я дверь тому, кто когда-то её захлопнул?

16+ Однотомник.

Содержание

Пролог. Пергамент и осколки.	5
Глава 1. Первый шаг	9
Глава 2. Первые препятствия.	14
Глава 3. Условный срок	19
Глава 4. Цифры и «помощь»	25
Глава 5. Каша и прошлое, крадущееся следом за мной	32
Глава 6. Фонд местных инициатив	38
Глава 7. Бумаги и кирпичи	43
Глава 8. Между помоями и печатью	48
Глава 9. Чёрные чернила и, кажется, меня обнаружили!	53
Глава 10. Серебряный ключ и бывший муж за углом	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Лионелла Вильяж

Приют жены

Владыки Пепла

Пролог. Пергамент и осколки.

Зал Совета Пепельных Вершин всегда пах старым пергаментом и остывающим камнем. Сегодня к этому примешивался холод. Тот, что рождается в ложных словах заговорщиков, произнесённых шёпотом, но которые для меня прозвучат, как приговор.

Я стояла перед возвышением, выпрямив спину так, как учили с детства. Чтобы не сломаться под прицелом десятков злорадных взглядов.

Дариан сидел в кресле из чёрного дерева, оплётка которого повторяла изгибы драконьих крыльев. Его лицо было знакомо мне до каждой линии, до шрама над бровью, полученного в первой стычке с горными кланами. Но сейчас он смотрел на меня не как на жену. А как на предательницу.

— Мне доложили, — его голос повысился. В нём была та самая ледяная ясность, которая заставляла генералов замирать, а советников — прятать глаза, — что ты вела тайную переписку с лордом Кассианом. Что складские ведомо-

сти южного крыла показывают сильные расхождения в цифрах. Что драконы в Нижнем Гнезде отказываются принимать назначенных послов. Слов много. Все они сходятся в одном: ты играешь против трона.

Я не моргнула. Я знала эти книги. Знала каждую цифру, каждую подпись, почерк каждого из кладовщиков. Расхождения появились после смены управляющего — ставленника графа Ворана. Драконы не верили в предательство своих же сородичей, им проще было обвинить меня — человека. А послы боялись меня, потому что я единственная, кто помнил, как смотреть ящерам в глаза без трепета.

Но сказать это здесь, сейчас, означало бы вступить в болото, где правда тонет в интригах. Я уже пробовала месяц назад. Тогда мои слова назвали «попыткой подорвать дисциплину». Сегодня они станут приговором.

Дариан поднял руку. Секретарь, не смея дышать, развернул пергамент. Воск ещё не успел остыть.

— Леди Изольда Вальгард, по обвинению в подрыве доверия к Повелителю и нарушении уставов Пепельных Вершин, лишается титула, права на имущество и присутствия в пределах владений. Отъезд — до заката. Конвой проводит до границы. Вздумаешь вернуться — тебя ждет смерть.

Звук пергамента, падающего на мраморный пол, был громкий. Кто—то из придворных отвернулся. Кто—то выдохнул. Кто—то уже мысленно переехал в мои покои, пряча усмешку за веером.

Я сделала шаг вперёд. Но не к трону, а к выходу из зала.
— Я уйду, — сказала я. Голос был неожиданно твердым.
— Но стены, в которых ты поверил другим, запомнят это. И я тоже запомню.

Дариан сжал подлокотники. На мгновение в его глазах мелькнуло то, что было раньше: сомнение. Но он подавил его. В его мире сомнение означало слабость. А слабость в Пепельных Вершинах означала падение.

— Уходите, леди.

И уже у самых дверей я услышала женский тихий голос:
— Она не смогла ему родить наследника! Теперь путь к постели владыки свободен!

В своих покоях я не плакала. Просто открыла шкатулку, вынула золотое кольцо с гербом, посмотрела на него, потом на дорожную сумку. Оставила перстень на столе. Взяла только нож, огниво, записную книжку в кожаном переплётё и мешочек с семенами — подарок матери, которая верила, что даже в камне можно вырастить жизнь. Больше ничего.

Титулы ничего не стоят, когда тебе не верит самый близкий человек. Доверие, разбитое однажды, не склеивается. У дверей я обернулась и все же вернулась за кольцом: выброшу его снаружи.

На границе Горной Гряды дождь уже сменился туманом. Конвой остановился у каменного столба, где высечен драконий коготь.

Капитан, не глядя мне в глаза, бросил: — Дальше идёте

одна. Дорога на Ольвию идёт через перевал.

Я кивнула, он всего лишь выполнял приказ. Конвоирующие оставили меня и, развернувшись, пошли обратно в замок.

Когда звуки их сапог стихли в тумане, я достала кольцо. А потом с силой разбила о валун. Звон металла растворился в шуме ветра, осколки бесценного рубина посыпались вниз.

Я не оглянулась на горы. Впереди была равнина и имя, которое ещё не принадлежало никому. Я назову себя Тессой.

Но в кармане, под подолом, лежал обрывок пергамента, который я выудила из—под трона Дариана перед уходом. На нём было написано: «Она не виновата. Но правда нам не нужна». И подпись. Не Дариана. Чья—то другая. Того, кто тянул нити из тени.

Глава 1. Первый шаг

Дождь в Ольвии, пахнувший мокрым сеном и затхлой мебелью, барабанил по прогнившим доскам навеса, под которым я стояла, перекладывая единственную оставшуюся серебряную монету с ладони на ладонь.

Я старалась не думать о том, что ровно три месяца назад тяжёлые дубовые двери дворца захлопнулись за моей спиной, а голос человека, называвшего меня своей женой, зачитал указ об изгнании. Притом сделал это ровным, лишённым всякого сомнения тоном, подтверждающим, что шёпот придворных, плетущих интриги за моей спиной, оказался для него весомее, чем годы совместной жизни и отчётливо видимые расхождения в складских ведомостях, подправленные не моей рукой.

— А ведь он говорил, что любит, — не к месту вспомнила я слова мужа. Теперь уже бывшего.

Я не взяла с собой ничего, кроме ножа, огнива, записной книжки в потёртом кожаном переплёте и небольшого полотняного мешочка с семенами. Золотое рубиновое кольцо с гербом Пепельных Вершин разбила о речной валун уже на границе... Три месяца я добиралась в этот городок, кому—то в пути помогая составить залоговое письмо или прочитав приказ, а кому—то посчитать суммы в учетных книгах. Накладку давно продала, заменив ее на удобный, но дешевый

плащ, а золотые шпильки, когда—то украшавшие мои волосы и случайно оказавшиеся со мной в пути, обменяла на возможность добираться в телеге.

Здесь, в равнинной Ольвии, где магия давно стала частью быта, я назвалась Тессой, выбрав короткое, лишённое всякого исторического груза имя, позволявшее мне раствориться среди торговцев и ремесленников, не привлекая внимания тех, кто привык искать за каждым чужаком скрытый мотив или политический подтекст.

В лавке мое внимание привлек мальчик лет десяти, в куртке, сшитой из двух чужих пальто. Я смотрела, как он тянется к яблоку на прилавке. Пальцы дрожат — не от холода, а от голода, который уже въелся в кожу. Торговец сжимает дубинку, даже не глядя на него, просто готовый отогнать. Я сделала шаг вперёд.

— Сколько за это? — спросила я, кивая на яблоко.

— Две медных, или один, если устраивает с червоточинной, — буркнул торговец, не убирая дубинку.

— Возьму три яблока и буханку вчерашнего хлеба,

Получив сдачу и хлеб, я протянула яблоко мальчику, который застыл на месте, наблюдая, как я ломаю буханку, отмеряя себе меньшую часть и протягивая остальное ему.

Он молчал, а я не стала расспрашивать ребенка. Возможно, у него были свои причины не благодарить подозрительно добрую леди.

Мы ели молча, прислушиваясь к шуму дождя и шороху бумаги, в которую был завёрнут хлеб. В его настороженном взгляде я узнала ту самую напряжённость, с которой я сама смотрела на мужа в последние месяцы перед изгнанием, когда слова уже не доходили до сознания, а шёпот заговорщиков становился громче любых попыток объясниться. Недоверие, зародившееся в сердце Дариана, заставляло меня замолчать и принять решение, не требующее дальнейших оправданий.

К вечеру дождь перешёл в мелкую морось. Поглядев на серое небо, я двинулась по мокрой улице в поисках одного старого заброшенного здания. О нем я узнала еще неделю назад от торговца, с которым ехала на телеге. Собственно, поэтому я и отправилась в этот городок. По словам того мужичка, здание было почти разрушенное и никому не нужное.

Вскоре я нашла здание на краю квартала, представляющее собой обветшалую каменную коробку с прогнившими стропилами и провисшей крышей. Оказалось, что и дверь открывается лишь после того, как упрёшься в неё плечом и приложишь весь вес, чтобы преодолеть сопротивление разбухшей от влаги древесины.

Внутри пахло сыростью и мышиным помётом, я провела пальцем по холодной стене, работы предстоит много.

Пройдя немного внутрь и найдя более менее очищенный от мусора, сухой участок, вынула из сумки огрызок свечи

и огниво. Вскоре передо мной в тусклом пламени свечи открылся вид на внутреннюю обстановку.

Я начала мысленно расчерчивать пространство, опираясь на знания, полученные при организации поставок в горные гарнизоны. Я знала точно, где должна располагаться печь, чтобы равномерно прогревать помещение, где следует поставить длинные столы, исключаящие толкучку во время еды, какие полки потребуются для хранения книг и сушёных трав, и в каком углу необходимо повесить плотную занавесь, создающую иллюзию уединения для тех, кто ещё не привык спать в присутствии других людей.

Я знала, как рассчитывать расход дров на зимний период, как составлять учётные ведомости, исключаящие хищения. И самое ценное — как вести переговоры с поставщиками, добиваясь регулярных поставок провизии по фиксированной цене. Усмехнулась, понимая, что эти навыки, предназначенные когда-то для управления поместьями, теперь станут единственным инструментом, способным превратить руины в детский приют.

Завтра мне предстоит визит в магистрат, где придётся заполнять формы, получать разрешения на размещение бездомных и согласовывать санитарные нормы, но сначала требовалось согреть помещение, превратив холодную коробку в пригодное для ночлега пространство.

Почему приют? Потому что за время брака с драконом, я так и не смогла исполнить его мечту — не родила ему на-

следника. Возможно, это и стало основной причиной моего изгнания. Теперь я смогу стать мамой десяткам детишек, тем, кого тоже предали и бросили самые близкие.

Глава 2. Первые препятствия.

Я опустилась на колени перед холодным очагом, собирая щепки, сухой мох, обрывок пергамента. Можно ли из него сделать уютный камин? Вполне, но потребуется много работы и материалов. Щёлкаю огнём, и искра падает на трут. Пламя цепляется, разгорается, отбрасывает на стены дрожащие тени. Я выдыхаю. Впервые за три месяца в груди не холодит. Может, я наконец—то нашла своё место в этом мире? Тепло идёт по пальцам, по плечам, по лицу. Стало намного легче.

Сняв мокрый плащ, вешаю его на старый проржавевший крюк, случайно оставшийся здесь с былых времён. Под плащом — простая рубаха, заштопанная на локте. Никаких гербов.

Теперь меня зовут Тесса, и за три прошедших месяца я успела привыкнуть к этому имени. Настоящее я оставила в горах, где драконы спят в скалах, а муж верит интригам больше, чем мне. Я не плакала, ведь слёзы не чинят крыши и не наполняют желудок теплом. Но иногда, когда ветер задувал в щели очередного сарая, куда меня пускали переночевать во время долгой дороги, мне казалось, что я слышу его шаги. И я сжимала кулаки, пока ногти больно не врезались в ладони. А разжимала лишь тогда, когда страх отступал.

Я устроилась на полу, прислонившись спиной к тёплому

кирпичу. Дождь стучал по крыше. Где—то скрипнула балка. Ветер гулял в щелях, но огонь ещё держится. Я закрыла глаза. Дел будет много: мука, оформление бумаг на разрешение на ночлег и проживание, дрова, крыша, стирка. Работы много, но я умею её делить. Как когда—то делила отчёты на то, что можно сделать сейчас, и то, что подождёт.

За окном послышался скрип сапог. Не один человек. Два. Они остановились у двери, а затем я услышала негромкий чёткий стук. Я открыла глаза. Рука скользнула под подол, нащупывая рукоять ножа. Едва дверь приоткрылась, как в проём проскользнул человек в сером плаще. На поясе — ключи и жезл с городским гербом. В руке — пергамент, запечатанный красным воском. Он шагнул внутрь, стряхивает воду с капюшона, кладёт свиток на пол.

— Магистрат требует список всех бродяг, кто ночует под этой крышей, — говорит он ровно.

— Завтра я сама явлюсь туда и оформлю документы, — устало отвечаю я, хотя сердце сжимается от недоброго предчувствия.

— Да что вы, бродяжка сама явится в магистрат? Не смеши меня, девка, — недобро усмехается незнакомец.

Судя по скрипу за дверью, снаружи его поджидает второй. Приподнявшись, но не убирая руки с рукоятки ножа, я смело ответила:

— Я не бродяжка. И завтра же приду для оформления этой постройки в сиротский приют. Оформлю запрос по ста-

ть двенадцатой устава: временное использование под социальные нужды.

— Не местная? — моментально нахмурился человек.

— В этом городке нет приюта, хотя он должен быть по законам, — попыталась отвлечь его от расспросов о моём прошлом. — Так что передайте в магистрат: завтра я приду с документами.

Мужчина хмыкнул, вышел наружу, чуть потоптавшись за дверью, оба ушли. Скрип их сапог ещё долго мерещился мне сквозь шум дождя.

Утро выдалось серым и влажным. Прогоревшие щепки не могли согреть все здание целиком. А для дров у меня пока не было средств.

Я завернула остатки хлеба в чистую ткань, проверила кошелек с остатками медяков и уложила всё в сумку. Вчера я отыскала среди мусора лист серого пергамента и с помощью уголька расчертила на нём план с планировкой комнат. Для этого пришлось осторожно обойти ветхое здание, но меня порадовали стены: они оказались крепче, чем выглядели снаружи. Чертёж тоже захватила с собой.

Здание магистрата располагалось в переоборудованном амбаре, и очередь тянулась вдоль каменной стены. Люди стояли молча, привыкшие ждать, пока чиновники, не спеша, перекладывают бумаги. Я заняла место в конце, достала записную книжку и расчертила новую таблицу: имя, возраст, состояние здоровья, предполагаемый срок пребывания. Го-

родские бланки создавались для учёта взрослых работоспособных простолюдинов, а также торговцев и разорившихся аристократов. В них не было граф для детей, у которых нет ни документов, ни адреса, ни даже постоянного имени. Мне придётся послушно выполнять все необходимые действия, не вспоминая о своих титулах и не нарушая при этом установленных правил, иначе приют закроют в первую же проверку.

Когда через пару часов моя очередь дошла до стола, клерк в потёртом сюртуке даже не поднял глаз.

— Документ на владение или долгосрочную аренду, — произнёс он ровно. — И взнос за санитарный осмотр.

Я положила на стойку заявление, написанное на вырванной странице из своей записной книжки.

— Здание числится в реестре ветхого фонда. Я подаю запрос по статье двенадцатой устава: временное использование под социальные нужды. Взнос отменяется на первый месяц при условии еженедельных отчётов и привлечения двух местных добровольцев для контроля.

Он отложил печать, наконец, с удивлением посмотрел на меня.

— Статья двенадцать требует подтверждения добровольцев до заселения. И схему планировки.

— Схема готова. — Я развернула чертёж, который рисовала вчера при свете очага. — Добровольцы появятся, как только заработает печь и перестанет течь крыша. Я внесу их

имена в реестр к пятнице. До тех пор книга учёта открыта для проверки.

Клерк провёл пальцем по тексту устава, сверился с соседними делами, вздохнул и поставил печать.

— Тридцать дней. Первый отчёт — пятнадцатого числа. Если помещение окажется неубранным или вы превысите допустимое количество жильцов, двери опечатают без предупреждения. А вам вынесут штраф!

— Штраф? — я удивилась. — За что?

Клерк недобро усмехнулся:

— За то, что много на себя берёте, дамочка. Здесь не любят, когда женщины встречаются в дела управления и думают, что все знают!

Я похолодела:

— Какова сумма штрафа?

— Десять золотых! При неуплате — тюрьма! Там как раз не хватает прачки.

Клерк выразительно посмотрел на мои руки, с пока ещё гладкой кожей.

Глава 3. Условный срок

Я не отдернула руку. Не опустила взгляд. Гладкая кожа на ладонях действительно выдавала во мне человека, который последние годы больше держал перо, чем тяжёлый инструмент, но я знала, как превращать этот факт в преимущество.

Шок от суммы в десять золотых быстро уступил место привычному, почти автоматическому анализу: клерк блефовал. Штраф до вынесения официального постановления нарушал процедуру, а тюрьма за неуплату требовала судебного предписания, которого у него на столе не лежало. Он давил на страх, рассчитывая, что приезжая женщина отступит. Я сделала медленный вдох, позволила холодному воздуху заполнить лёгкие и заговорила ровно, без вызова, но и без уступки.

— Если вы намерены выписать штраф, — сказала я, не меняя позы, — он должен быть оформлен по форме семь-цэ, подписан заместителем магистрата и вручён с указанием семи дней на апелляцию. Иначе это классифицируется как несанкционированный сбор, что подпадает под статью сорок один городского устава. Я не отказываюсь платить. Я отказываюсь платить без документа.

Клерк замер. Его пальцы, державшие перо, слегка дрогнули. Он медленно отложил его, поправил воротник сюртука и, наконец, посмотрел на меня внимательно, оценивающе, как

на равного соперника.

— Вы хорошо знаете законы, — произнёс он уже без насмешки, но с явной настороженностью.

— Я знаю, что они существуют не для того, чтобы запугивать, а для того, чтобы работа шла по порядку, — ответила я. — Если штраф реален — оформите его. Я подожду заместителя. Если это устное предупреждение — поставьте печать на разрешении. Город получит функционирующий приют, вы отметите галочкой его наличие, а я начну работать. Никто не проиграет.

Он молчал несколько долгих секунд. Позади уже скопились новые просители, и сейчас они напирали, жадно вслушиваясь в наш разговор. Клерк вздохнул, достал чистый бланк, быстро заполнил графы, ударил печатью с такой силой, что воск треснул и протянул мне бумагу.

— Тридцать дней. Без штрафов. Но я вношу примечание: еженедельная инвентаризация, контроль за соблюдением норм, два подтверждённых добровольца к пятнице. Нарушите хоть один пункт — разрешение аннулируется без предупреждения. И никакого своеволия. Вы кормите сирот, а не устраиваете бунты.

— Принято, — сказала я, забирая документ. Я сложила его, убрала в сумку рядом с чертежом и кивнула. — Спасибо за ясность.

После этого я прошла к следующему столу. Там сидел пожилой толстый мужчина, лениво усмехаясь.

— Чего изволите, дамочка?

Я поджала губы и, не вступая в перепалку, показала бланки:

— Дрова, доски для починки крыши, любая кухонная утварь и муки. А для начала хлеба.

— Смелая дамочка. Или глупая, — мужик хохотнул и сплюнул себе под ноги. Но всё же вздохнул и сообщил. — На складе получите хлеб. Остальное позже, может быть.

Я кивнула, спорить было бессмысленно. Даже когда мне выдали корзину серого рыхлого хлеба, разваливающегося в руках, я смолчала. Я добьюсь, чтобы со мной здесь считались, но сделаю всё постепенно. Шаг за шагом.

Обратная дорога заняла меньше времени. Старое здание встретило меня, как показалось, чуть веселее. И стены вроде как стали ровнее.

У входа я увидела мальчика, знакомого мне со вчерашнего дня. Того, с кем я поделила свою нехитрую трапезу. Он сидел на каменной ступени, наблюдая за прохожими с той же напряжённой внимательностью, с какой я сама изучала новые правила этого города. Рядом с ним собрались ещё трое: девочка с растрёпанными косами и острым взглядом, долговязый подросток в куртке, которая висела на нём мешком, и маленькая девочка, сжимавшая в обеих руках обломок деревянной ложки. Подойдя ближе, я открыла корзину, показывая хлеб, и сказала:

— Если нужна еда и ночлег, заходите. Но мне нужна по-

мощь. А ещё чёткость. Чтобы знать, сколько запастись муки, сколько колоть дров, сколько оставлять места у печи. Если остаётесь — помогаете. Если помогаете — едите. Простая сделка.

Девочка с косами подошла первой. Взяла кусок хлеба, кивнула.

— Лисетта, Лис, — тихо сказала она.

— Хорошо, Лис. — Я вписала имя в свою книжку. — Ты отвечаешь за кладовую. Считаешь припасы, говоришь, что заканчивается.

Подросток переминался с ноги на ногу.

— Кор, — буркнул он. — Крышу могу поправить. Или хотя бы затянуть вощёным тряпьем, чтобы вода не лилась.

— Принято. Скоро привезут дрова. Может, ещё и доски для починки. Твоя задача — сухая древесина. Гниль не брать.

Малышка не сказала ни слова. Она просто подошла ближе и вложила мне в ладонь обломок своего сокровища — деревянной ложки. Тёплый от руки. Тяжёлый для своего размера. Я сомкнула пальцы, чувствуя, как в уголках глаз скапливаются слёзы, и кивнула. Плакать мне было нельзя. Иначе бы дети не почувствовали во мне опору.

Малышка не отодвинулась, лишь взяла кусок хлеба и молча вгрызлась в него, торопливо жуя. Имени я не спросила. Она скажет его сама, когда перестанет бояться.

Я перевела взгляд на мальчика, сидевшего в стороне, и

тихо спросила:

— Как тебя зовут?

Он не ответил. Просто поднял руку, указал на грудь камней у фундамента, потом на себя, и сложил ладони так, будто показывал, как кладёт кирпичи. Лис, заметив моё замешательство, шепнула:

— Он не говорит. Но слышит всё. И делает то, что просят, мы его понимаем без слов. Он тоже будет помогать строить и ремонтировать стены.

Я кивнула, не требуя объяснений, не пытаясь заполнить молчание вопросами.

Работы было много, но я не могла нагружать и без того недоверчивых детей. Лишь сама прошла по комнатам здания, лестницам и коридорам в поисках каких—нибудь полезных вещей. Сейчас мы в таком положении, что пригодится даже хлам. Мне повезло отыскать пару соломенных тюфяков, старое перо и склянку полусохших чернил.

«Это лучше, чем кусочек угля», — подумала я и попыталась восстановить чернила.

К вечеру печь уже прогрела стены, дети поели хлеба, вымыли лица в тазу с дождевой водой и устроились на соломенных тюфяках ближе к теплу. Малышка без имени молча принесла охапку сухих листьев и начала раскладывать их у дальней стены, создавая временную подстилку. Комната не стала уютной в один момент, но в ней появилось хрупкая надежда.

Я села за стол, взяла перо и начала вносить данные. Имена. Рацион. Распределение задач. Это была обычная работа. Та самая, которую я вела годами в горах, только тогда она наполняла казну лорда, а теперь — кормила детей, которым некуда было идти. Как и мне.

Глава 4. Цифры и «помощь»

Утро началось с тихого шороха соломы, когда дети, привыкшие просыпаться вместе с первым светом, уже вставали, не дожидаясь моих слов.

Они молча расправляли тюфяки и занимали места печи, где я уже выкладывала для них хлеб. Позже, открыв свою записную книжку, сверяла остатки с вчерашними записями, понимая, что хлеб ушёл быстрее расчётов.

— Хм—м, — вздохнула я, размышляя как бы разнообразить рацион детей. Их молодым неокрепшим телам нужны были овощи, каши и мясо. Где же всё это взять?

Кор потянулся, хрустнул суставами и сразу направился к двери, чтобы оценить, сколько воды натекло за ночь и как подлатать крышу.

Внезапно в двери постучались. Оказалось, что это из магистрата привезли доски для починки, немного отсыревшего зерна, лопату, верёвку и утварь: деревянные вёдра, ушат для мытья и стирки, черпаки и котёл.

— Стало быть, приют устроила? – с любопытством спросил мужичонка, оглядывая обветшалое здание и грызя соломинку.

— Приют, – подтвердила я.

Двое мальчишек вышли помогать разгружаться.

Тщательно занеся все поступления в свою книжку и, от-

пустив возникшего, я задумалась.

— Где бы достать продуктов?

Неожиданно ко мне подбежала Лисетта, или Лис, как её звали другие. Радостно подпрыгнув на месте, она позвала меня куда—то за здание.

Эта часть земли, похоже, принадлежала зданию, и, пройдя туда, я с удивлением обнаружила заброшенный сад.

— Это морковь! – довольно сообщила Лис, показывая заросли пожухлой ботвы.

Я пригляделась. Там и правда, росли рыжеватые тощие коренья, растущие здесь самосевом с незапамятных времён.

— Ты молодец! – похвалила я её.

Вместе мы убрали всю морковь и разложили для просушки. Хорошо, что холода ещё не пришли в городок и корнеплоды не замёрзли. А, значит, рацион детей немного разнообразится ими.

Поэтому, когда вернулась внутрь приюта, я переписала рацион, уменьшив порции на треть. Вместо этого я увеличила долю зерновой каши с добавкой моркови, которые Лис нашла в заброшенном саду за задней стеной здания.

Решив, что территория приюта может ещё таить полезные секреты, решила всё проверить сама. И мне повезло!

Я нашла ручей не по карте и не по рассказам соседей. Я обошла периметр здания. Отметила трещины в кладке. Посмотрела направление старых стоков.

У дальней стены земля прогибалась. Там трава росла гу-

ще. Камни покрылись зелёным налётом. От основания фундамента пахло сыростью и корнями. Это указывало на постоянную влагу. Я позвала мальчика без имени и Кора. Мы отодвинули тяжёлые доски от старой пристройки. Я руками поддела верхний слой почвы и наткнулась на ровный каменный короб. Его заложили ещё при постройке здания. Вероятно, для отвода грунтовых вод. Сохранился он неплохо.

Я нашла палку и расширила щель. Убрала ветки, камни и слежавшийся ил. Под ними открылся узкий канал. Он был выложен плоскими плитами. По нему текла чистая, прохладная вода. Она пахла землёй и камнем. Но не затхлостью. Вода бежала с лёгким журчанием. Я поняла, что он станет основой для автономного водоснабжения. Нам не понадобится колодец. Не нужно будет платить за воду у городских колонок.

Я вернулась за лопатой. С помощью детей очистила русло на двадцать шагов. Укрепила края камнями. Проверила качество воды. Она не оставляла осадка. Не имела привкуса.

— Нужно пропустить её через слой песка и угля. Самодельный фильтр сделает её пригодной для готовки и стирки, — сказала я вслух, а сама подумала, что это закроет сразу три графы санитарных требований магистрата. Раньше они казались невыполнимыми. Я записала себе: «Источник найден. Требуется очистка русла. Водоснабжение автономное».

Лис обрадовалась, что есть вода для умывания, стирки и других нужд.

«Дом теперь стоит у воды, а не у дороги», — сказала она.

Я не стала исправлять. Я просто открыла черновик устава. Вписала: «Объект: жилой комплекс. Общепринятое название: Дом у Ручья». В Ольвии официальные имена живут в реестрах. Настоящие — в речи тех, кто там живёт. Ручей, скрытый под землёй десятилетиями, стал частью нашего названия.

За дверями опять слышались голоса. Оказалось, что это любопытные соседи. Две служанки из большого дома наискосок приволокли мешок.

Я молча вскинула брови:

— Кто вы и что это такое?

— Наша госпожа очень щедра! Она отправила вам лоскуты ткани для одежды сирот.

— Вы знаете, что здесь открыт приют? — удивилась я.

Служанки переглянулись:

— Об этом уже все знают! Но наша госпожа пожелала помочь вам первой! Вот!

Они торжественно вручили мне мешок. Открыв его, я отодвинулась и подождала, пока вылетит тучами моль, затем наугад вытянула облезлый кусок старой шерсти.

— Вы полагаете, что из этого можно что-то сшить? — строго спросила я. — Оно рассыпается в руках!

Одна служанка виновато потупила взор, а другая смело выступила вперёд:

— Они же сироты! Не в вашем положении воротить нос

от щедрых подарков нашей госпожи!

Я хмыкнула. В моей прежней жизни ни одна служанка не смела мне грубить.

— Ладно, — усмехнувшись, заявила я. — Ваша госпожа и правда, первая из горожан решила нам помочь, не считая магистрата. И теперь я всем буду говорить, что она от своей широкой души оторвала для сирот облезлые лоскуты и полмешка моли! Будьте уверены, все об этом узнают. Так как её имя, могу спросить?

Служанка выхватила мешок из моих рук и сердито отвернулась, торопливо уходя. Вторая поймала мой взгляд и опустила глаза.

— Простите, — прошептала она и тоже поспешила за первой.

Я закрыла дверь. Тряпье пригодилось бы для набивки одеял, матрасов или хотя бы для растопки, но я не могла стерпеть, что сиротам отдают мусор, место которому на свалке. Но преподносят это не меньше, чем королевские подарки. Но от моей гордости дети не будут сыты. Я уже пожалела, что нагубила служанкам. Теперь обо мне пойдёт дурная молва.

Внезапно в двери вновь постучались. Я открыла и удивлённо воззрилась на незнакомку. Дама, одетая в дорогое платье из бархата, подбитое мехом, презрительно глянула на меня.

— Значит, это ты хозяйка приюта?

— Тесса, — представилась я.

— Ха, я владелица вон того дома, — она показала на большое поместье.

Я перевела туда взгляд и вдруг снова увидела тех двух служанок. Они тащили огромный сундук. Я удивлённо выгнула бровь:

— У вас не закончились запасы моли? – иронично спросила я.

Женщина плотно сжала губы. Дождавшись, когда служанки подтащат сундук к нашим дверям.

Не глядя на меня, старшая служанка открыла его. Женщина в богатой одежде вынула оттуда стопки первосортного шерстяного сукна.

— Они ошиблись! – со злостью глядя на меня, сообщила она. – Служанки принесли не те вещи! Для наших бедных городских сирот я приготовила лучшие ткани!

Мои брови поползли вверх от такого фарса. Служанка, пунцовая от стыда или злобы, помогла хозяйке вынуть остальные ткани.

— Спасибо? – удивлённо ответила я, принимая подарки.

Женщина кивнула:

— Я леди Беатрис Кlover. Если нужно будет что—то ещё, обращайся, Тесса!

Я кивнула:

— Благодарю леди. Всем скажу, что сукно высшего качества! Вы же, в свою очередь, расскажите о нашем приюте. Помощь нужна в продуктах и строительных материалах.

— Как же будет называться приют? Может, красивым женским именем вашей благотельницы?

Я озадачилась:

— Дом у Ручья, — ответила ей, разговаривая на равных, не как с благотельницей. Стопка ткани её ещё не делала таковой.

Глава 5. Каша и прошлое, крадущееся следом за мной

Женщина удалилась, оставляя шлейф тяжёлых духов. Я же понадеялась, что теперь наш приют не будут считать помойкой!

Вернувшись внутрь, я позвала мальчишек, и вместе мы заволокли сундук. Дети трогали ткани, удивлённо переглядывались.

— Сошьём вам новые тёплые штаны и курточки, — улыбнулась я.

Малышка с ложкой всё ещё спала, свернувшись калачиком. Я не стала её будить.

Лис занималась обедом: перебрала зерно и часть отложила на просушку. А то, что можно было есть, насыпала в котёл. Туда же почистила и порезала рыжую морковь. Немой мальчик принёс воды, и дети стали варить кашу. Соли тоже не было. Впрочем, уверена, что только я страдаю от её отсутствия. Для сирот соль и пряности – неслыханная роскошь. Для них бы хлеб с кашей каждый день – и жизнь будет считаться удавшейся.

Мне опять взгрустнулось от такой несправедливости, но я отогнала непрошеные слёзы. Для этих сирот я должна выглядеть крепче скалы.

Пока варилась каша, немой мальчик вырезал моим ножом что— то из деревяшек. Он их принёс сам, отыскав чурбачки в саду.

Вскоре сварилась каша, и все дети собрались у печи. С робостью и недоверием они стали её есть прямо из котла, зачерпывая небольшими деревянными планками, которые, как оказалось, немой мальчик обтесал моим ножом, чтобы придать им форму ложек. А ещё он начал вырезать чаши, но сделал только две, и почему— то из них дети пока не ели. Я увидела их, выставленных рядом.

«Может, не доделаны ещё?» — подумала я.

Малышка проснулась сама... Огляделась. Пока её взгляд не встретился с моим. Я не подбежала. Не стала сюсюкать. Просто кивнула и показала на ведро с тёплой водой у печи. Она медленно сползла на пол. Подошла. Умылась. Вытерла лицо краем рубахи. Молча заняла место у печи, а я с тоской подумала, что у нас даже стола нет. Надо бы и с этим разобраться. Немой мальчик дал ей хлеба, отмеренного ещё утром для каждого из них. А затем налил кашу в выдолбленную чашу и вручил ей с улыбкой. Ложка, вернее, её обломок, у малышки был свой.

Пока я смотрела, как она осторожно пробует кашу, немой мальчик подошёл ко мне.

— Да? — я повернулась к нему и увидела, как он протягивает мне кашу во второй из двух сделанных им деревянных чаш.

Пока я пыталась сдержать слёзы, мальчик показывал, что мне тоже нужно поесть.

Кор пояснил:

— Сначала кашу попробовали мы, чтобы вам, госпожа, не попалась невкусная или отравленная.

Я изумлённо ахнула.

— Но я не этого ждала, просто боялась, что её мало.

Кор пожал плечом:

— Без вас ничего бы не было.

Лис подтвердила:

— Правда, правда! Мы так не объедались с весны, когда нас покормили на похоронах господина почтмейстера!

Я подавила смешок. Похоже, только мёртвым почтмейстер и запомнился этим детям.

После еды я открыла записную книжку, взяла перо и начала вносить утренние данные. Поступление, расход, остатки, задачи на день. Включая сукно и другие ткани от леди Кlover. Я писала чётко, используя ту же структуру, что вела годами для горных гарнизонов.

Лис подошла ближе, стала смотреть, что и как я записываю. Наверняка она не умела читать, и об этом тоже стоило позаботиться.

К вечеру мне нужно было отнести первый отчёт в магистрат, как того требовало разрешение. Я сложила бумаги, уложила их в сумку, застегнула плащ и вышла. Улица встре-

тила меня шумом телег, запахом пекарни и влажными камнями мостовой.

Я шла, опустив взгляд, но чувствовала на себе взгляды. Не враждебные. Скорее любопытные. Женщина, метущая крыльцо, остановилась, проводила меня глазами. Пекарь выглянул из— за прилавка, кивнул, словно узнавая. Репутация в Ольвии не появляется за день. Она выстраивается из ежедневных действий, из того, как выглядит твоё жилище, как ты говоришь с детьми, как не ломаешься под ветром.

В канцелярии за столом сидел не тот клерк. Молодой человек в синем жилете взял отчёт, пробежал глазами по столбцам, задержался на графе «расход дров», потом на «количестве жильцов», поставил печать без лишних слов.

— Следующая проверка через семь дней. Придёт инспектор с комиссией. Будет смотреть печь, воду, учёт. Не подводите.

— Не подведу, — ответила я, забирая копию. Спорить было бессмысленно.

На обратном пути, пересекая площадь, я услышала разговор двух купцов, грузивших мешки на телегу. Один из них упомянул Пепельные Вершины, и я невольно замедлила шаг.

— Говорят, драконы в нижних пещерах перестали принимать новых работников складов.

— Верно, — подтвердил второй. — Я тоже это слышал. А ещё то, что лорд— повелитель лично проверяет архивы за последние годы, ища расхождения в отчётах, которые «кто

— то пытался скрыть».

— Да ну?

— Ага.

Нервно дёрнув плечом, я продолжила путь, но страх уже стал красться за мной.

Вечером, когда печь уже прогрела стены, а дети устроились на своих местах, я взялась штопать мешок, слушая ровное дыхание спящих. За окном стемнело, ветер стих, и в комнате воцарилась та самая тишина, которую я так долго искала.

Мысленно я думала о количестве запасов. Складывала и вычитала, делила и пересчитывала заново, чувствуя, как цифры складываются в понятную структуру, а математика перестаёт быть инструментом выживания. Теперь она моя защита.

Я отложила заштопанный мешок, подбросила последние щепки в очаг, прислушалась к ровному дыханию спящих. Неожиданно я заметила в стороне от печи, рядом с черпаками и ушатом, небольшой свёрток, завёрнутый в плотную холстину. Удивлённо оглянувшись, я подошла и подняла его, на нём заметила привязанную бирку, на которой чётким почерком было указано: «Для приюта. Стартовый набор. Фонд местных инициатив».

Я развернула ткань, обнаружила внутри не только припасы, но и тонкую тетрадь учёта в кожаном переплёте, чистую, пролинованную, и короткую записку: «Учёт ведётся по фор-

ме семь. Не бойтесь точности. Она защищает».

Я провела пальцем по бумаге, чувствуя, как холод возвращается в кончики пальцев, потому что форма семь не использовалась в Ольвии уже лет пять, зато её всё ещё вели в Пепельных Вершинах для контроля за поставками провизии для деревень, подвергшихся обвалам или наводнениям.

Именно там, где каждый мешок зерна должен был дойти до нужных рук без потерь, и где требовалась особая прозрачная структура учёта. Значит, кто— то решил мне напомнить о прошлом? Либо случайно решил использовать форму из старых архивов, либо просто знал, как чётко она работает. Я закрыла тетрадь, убрала её и припасы в сундук, зная, что завтра появится ещё больше сложностей и проверок, но сегодня дом был тёплым, дети спали на сытые желудки, и на данный момент мне этого хватало.

Глава 6. Фонд местных инициатив

На следующий день я решила выяснить, что это за Фонд местных инициатив и кто успел подбросить мне свёрток. Расспросы детей ответа не дали, никто не заметил посторонних, однако неожиданный подарок я могла ощупать руками. И убедиться, что мне это не приснилось.

— Что там? – спросила любопытная Лис.

Я развернула и более тщательно осмотрела то, что было внутри, помимо записки и пролинованной тетради. Соль в мешочке, подписанное разрешение на получение десяти мешков зерна с городского склада, бутылка масла и свечи. А ещё пять золотых монет. Удивлённо моргнув, я осмотрела их, не веря своим глазам. Этого хватит на доски и черепицу для заделки крыши, на покупку инструментов и ещё останется.

Я вновь развернула разрешение на получение зерна. Бумага была плотной, с тиснением по краю. В нижнем углу стояла печать: круг, внутри — дерево с раскинутыми корнями, и чёткая надпись «Фонд местных инициатив». Я провела пальцем по воску. Печать не была свежей. Она стояла давно, но записка и свёрток получены только вчера. Я знала, как работают городские резервы. Они не раздают припасы первым встречным. Они требуют поручителей, справок, разрешений и подтверждений купеческих гильдий или других бумаг. У

меня не было ничего из этого. Только разрешение на тридцать дней, реестр без официальной регистрации и корзина крошащегося хлеба.

Откуда Фонд узнал о нас? Кто подписал запрос? Я перечитала записку. Внимательнее осмотрела пролинованную тетрадь. Никаких имён. Никаких указаний на магистрат. Только разрешение на получение зерна с сухим штампом, деньги и припасы. Я сжала ладони.

Передав разрешение Кору и попросив его вместе с немым мальчиком сходить и получить зерно на городском складе, я занялась осмотром здания в очередной раз. Меня интересовало состояние перекрытий и полов перед холодной зимой. Сейчас мы все грелись у печи, но следовало постепенно ремонтировать и обживать приют, выделяя общую гостиную, спальни для мальчиков и девочек, а ещё столовую.

Я нашла большую комнату на первом этаже и решила, что это будет уютная гостиная. Правда, сейчас она была заполнена мусором и забита старой паутиной. Но за нею виднелись очертания камина.

— То, что нужно для гостиной, — обрадовалась я. И тут услышала шум у входа.

Оказалось, что нам привезли мешки с зерном на большой телеге. Мальчики показывали дорогу возничему.

Глянув на мешки, я недоверчиво спросила Кора:

— Дали сразу? Без проволочек?

Тот кивнул:

— Посмотрели на разрешение, и сразу выдали. Видать, важная бумажка.

Мальчик протянул мне лист обратно. Я бережно прибрала его. Он ещё пригодится для учёта и для некоторых вопросов магистрату.

Ну и что, что зерно пахло сыростью и дорожной пылью. Я высыпала его на очищенное пространство у печи, разровняла тонким слоем, чтобы воздух циркулировал между зёрнами, и стала периодически перемешивать деревянной палкой. Кор помогал, Лис следила, чтобы уголь или зола не попали в массу, а немой мальчик регулировал заслонку, не давая огню разгораться слишком сильно. Малышка просто смотрела на действия старших детей.

Сушка требовала терпения. Сырое зерно не хранилось. Оно прело, плесневело, теряло вес. Я знала это по горным складам, где каждая партия зерна проверялась на степень влажности и записывался в журнал. Теперь я записывала это здесь.

В углу комнаты уже лежали деревянные вёдра, ушат, черпак и тяжёлый чугунный котёл. Я вынесла их к ручью, промыла проточной водой, протёрла мелкой золой, ополоснула, высушила у огня. Посуда была простой, без узоров, но прочной. Она прослужит зиму. Я проверила каждую ручку, каждую трещину, отметила в блокноте: «Утварь имеется. Готова к использованию. Требуется еженедельная очистка».

Неожиданно меня остановил немой мальчик. Он провёл в

большую комнату, и я увидела, что часть мусора и паутина вычищена. А за ними и правда открылся камин.

Мальчик показал жестами, что нужно проверить тягу и отремонтировать некоторые места. Я кивнула:

— Найдём мастера, у нас есть чем заплатить.

Позже я вышла на улицу. Дети остались варить кашу и следить за просушкой зерна. А мне следовало найти мастера по каминам, а также выяснить имя того, кто нам помогает. Может, это не к добру?

Воздух был холодным, но сухим. Дорога к магистрату занимала немного времени быстрым шагом. А, возможно, я уже выучила маршрут, и он мне оттого казался коротким.

Я шла и размышляла. Если Фонд действовал через канцелярию, мне нужен был отдел социальных программ поддержки сирот. Если через гильдии — то к купцам. Я выбрала первое. В переоборудованном амбаре я нашла дверь с выцветшей табличкой «Управление благотворительных резервов». Внутри пахло старой бумагой и сушёной мятой. За столом сидела женщина в сером платье, с блёклыми волосами мышиного цвета и стопкой бумаг перед собой.

Я положила разрешение с отметкой на стол. По нему уже было получено зерно, благодаря которому мы с детьми не умрём от голода в ближайшие недели, поэтому я и принесла его для расспросов. Даже если это всё окажется ошибкой, зерно у нас не отнимут. Надеюсь.

Женщина продолжала перебирать свои бумаги. Я просто

ждала. Наконец, она подняла глаза, взяла разрешение, прочитала прищурившись.

— Вы смотритель нового объекта? — спросила она.

— Да. Дом у Ручья. Разрешение на тридцать дней.

Она кивнула, открыла толстый журнал, провела пальцем по строкам.

— Фонд не выдаёт припасы по просьбам. Он выделяет их по отчётам. Вы подали заявление на временное использование. Клерк передал его в резервный отдел. Так что по бумагам всё верно, вот только...

— Что? — я насторожилась.

— Средств в этом фонде уже нет лет... не знаю, пятнадцать?

Я приподняла бровь:

— Его упразднили?

Женщина покачала головой.

— Не упразднили, просто им никто не пользуется, и вообще о его существовании знают единицы. Не понимаю, как так быстро вам пришёл стартовый набор. Я даже не думала, что там остались какие—то припасы.

Я вздохнула, именно этого я и боялась.

— Нам ведь не нужно его возвращать? — осторожно спросила я.

Глава 7. Бумаги и кирпичи

Женщина задумчиво ещё раз прочла разрешение, потрогала печать.

Я ещё раз спросила:

— Мы сделали все, согласно законам?

О том, что там были монеты, я не хотела сообщать. Конечно, они все и так увидят в книгах учёта, но к моменту проверок мы уже успеем их потратить и сделать приют чуть более приспособленным к жизни.

Женщина задумчиво покачала головой:

— Если объект соответствует базовым критериям: наличие крыши, источник воды, учёт расходов, отсутствие долгов перед казной — запускается стартовый набор. Его не вправе отнять.

Я слушала, запоминая каждое слово.

— Кто знал об этом фонде?

Женщина начала перечислять:

— Городской архивариус. Складской писец. Инспектор. И всё. Странно, вы не ходили к кому—то более влиятельному?

Я покачала головой. К сожалению, и сама не могла представить, кому и зачем нам помогать.

Женщина задумчиво перечитала разрешение, провела пальцем по восковой печати и медленно убрала бумагу в сторону.

— Если объект соответствует базовым критериям, набор не подлежит возврату, — повторила она уже твёрже. — Закон не отменяет то, что уже выдано. Закон лишь требует отчёта.

Я кивнула, не задавая лишних вопросов. В Ольвии законы работали как механизмы. Если шестерни встали на место, механизм крутился. Я не спрашивала, кто смазал колёса пятнадцать лет назад. Я использовала то, что крутилось сейчас.

— Спасибо, — сказала я, забрала разрешение и вышла.

Улица встретила меня ветром, нёшим запах дыма и жареных каштанов. Где—то на площади продавали лакомства для прогуливающихся господ. Но мне было не до изысков.

Я не ускоряла шаг. Старалась не вспоминать вкус каштанов или деликатесов, подаваемых в Пепельных Вершинах. Сейчас все мои мысли о простых задачах: отремонтировать, накормить, запастись. И о детях, которые ждали под старой крышей.

А они уже ждали меня, стоя у порога. Кор держал охапку сухих веток, видимо, готовый унести её для растопки очага и тем самым сэкономить дрова. Лис вытирала руки передником, на щеке остался след сажи. Немой мальчик стоял молча. Малышка с ложкой сидела на ступенях, перебирая гладкие камешки. В моём сердце что—то дрогнуло. Будто за несколько дней эти дети уже проникли туда.

Я вошла, улыбнулась каждому, сбросила плащ, проверила

мешки с зерном. Они лежали под навесом, защищённые от случайных протечек с крыши. Всё в порядке. Я выдохнула.

— Займёмся камином, — сказала я. — Нужно всё очистить в нашей новой гостиной, а затем позвать мастера—огневика. Он заодно и печь нашу проверит.

— У нас будет и печь, и камин? — удивилась Лис. — Для чего?

Кор успел вперёд меня пояснить:

— Печь для приготовления каши, для подогрева воды. А камин — это такая штука, возле которой сидят важные господа и смотрят на горящие поленья. А иногда сидят перед ним на креслах и читают.

Лис ахнула, немой мальчик улыбнулся. Кор, заметив внимание к своему рассказу, продолжил:

— Я чистил камин, там внутри столько саж, что всё время чихаешь! А в доме сидят господа и смотрят на камин.

— Значит, умеешь чистить их? — спросила Лис. — Почистишь наш?

Кор печально вздохнул:

— Сейчас я уже слишком толстый для этой работы. Жаль. Вот раньше мог почистить несколько каминов за день и заработать два куска хлеба!

Он хвастливо выпятил подбородок, но тут же отвёл взгляд в сторону.

— Вот только кое—кто из наших один раз застрял в камине и не смог выбраться. Там и умер. Ох и ругался хозяин

дома!

Я прислушалась. Это было очень дёшево для такой опасной работы, но про подобные случаи слышала.

— Почему же не зовут мастеров—воздушников, — спросила я.

Кор усмехнулся:

— Воздушник много берёт за такую работу, а мы и на краюху соглашались.

Мне стало совсем грустно.

— Больше не соглашайтесь, — попросила их я. — Голодать не будете.

Кор чинно поклонился мне:

— Вы, госпожа, словно богиня наша. Только добрая. Не как в храмах со злыми лицами.

— Ладно, — я не стала воспринимать комплимент на свой счёт. Это только начало и накормив два раза детей, я ещё близко не богиня. Даже не благодетельница. А так, одно название. Для того чтобы стать полноправной хозяйкой приюта, нужно этот приют для начала создать.

Мы занялись камином. Кирпичи были целы, но раствор выкрошился. Труба заросла сажей. Тяги не было. Я провела ладонью по кладке. Работа предстояла грязная. Нужно было вынести старую золу в сад, очистить трубу, проверить дымоход, сложить новые кирпичи на глиняный раствор, оставить продухи для равномерной тяги. Часть из этого сделает мастер—огневик.

Работа закипела. Кор выносил мусор. Немой мальчик смешивал глину с песком, которые мы выкопали на территории сада, когда занимались ручьём. Работа шла медленно. После обеда, который нам приготовила Лис из остатков хлеба и зерновой каши с морковью, к нам пришёл мастер—огневик.

Магия в этом городке «тихая». Или бытовая. Здесь нет сильных магов огня или воды, которые могли бы сравниться с драконами. Зато они справлялись с простыми вещами: наладка работы печи или камина, укрепление каменных фундаментов, закалка железа, долгое хранение продуктов от порчи. Были даже маги, которые ставили особые печати, не позволяющие мышам пробраться в дом. Похоже, здесь такая тоже была раньше и до сих пор работала. Потому что в здании приюта я не видела ещё грызунов.

К вечеру камин стоял готовый. Я разожгла первую пробу под присмотром мастера —огневика. Дым ушёл в трубу. Тепло пошло по комнате. Дети сели ближе. Малышка прижалась к моей ноге и я погладила её по голове.

— Буду приходить раз в месяц для проверки работы, — сказал мастер, довольно потирая руки. — Готовьте деньги, дамочка.

— Сначала подпишитесь в моём журнале о том, что камин исправен, — возразила я и уже затем оплатила работу.

Никто из детей не сказал ни слова. Они заворожённо смотрели на камин. Но в комнате стало уютнее. И теплее.

Глава 8. Между помоями и печатью

Я открыла тетрадь, которую мне прислали из Фонда. Чистые страницы ждали записей. Я начала вести двойной учёт. Один реестр — для магистрата. Второй — для внутреннего контроля. Каждая монета, каждый мешок, каждый кусок ткани — всё шло в графы. Я не знала, кто нам помог. Но я использовала помощь. В Ольвии не задавали лишних вопросов, пока система работала. А система работала. Значит, кто—то хотел, чтобы приют выжил. Кто—то знал, как запустить старый механизм. Кто—то помнил правила. Я закрыла тетрадь и убрала её в сундук.

Внезапно в двери постучались. Удивившись поздним визитёрам, я пошла открывать.

Это была дородная дама в тёплой шубе, а позади двое мужчин. Они тащили ведра, прикрытые мешковиной, но я сразу ощутила мерзкую вонь.

— Голубушка! – обратилась ко мне незнакомка. – Я леди Трумворретонрум. Очень пекусь о маленьких сиротках, которых вы собрали здесь! Мы с вами делаем важную работу! Небеса зачтут нам это верно?

Я удивлённо моргнула:

— Мы?

Дама прикрикнула на своих людей:

— Что стоите? Заносите вёдра внутрь.

— Погодите—ка, — возразила я. — Что там?

— Как что? Остатки еды из моего дома! — хвастливо заявила леди. — У нас они уже пойдут на помои, но раз здесь под боком открылся приют, мои слуги будут носить их вам.

— Помои? — сердито переспросила я.

Дама фыркнула:

— Не в вашем положении воротить нос! Это еда, её остатки.

Я брезгливо приоткрыла мешковину, которой было прикрыто одно из вёдер, и сразу же закрыла рот и нос другой ладонью. В вонючей жиже плавали объедки, покрытые плесенью, подгоревшие овощи и червивое зерно.

— Боги! Это же самые настоящие помои! Такие даже свиньи есть не будут, а вы принесли это сюда и ещё называете это помощью? — возмутилась я чересчур громко.

Дама покрылась красными пятнами от негодования:

— Ну, знаешь ли! Лучше такую еду, чем ничего! От вашей гордости эти сироты умрут, и я всем скажу, что вы отказались от помощи, когда я её предлагала!

Я тоже рассердилась. Выставив руки на поясе, я ответила, сдвинув брови на переносице так, что дама попятилась.

— Тогда и я всем расскажу, как леди Трум...как—то там носит помои несчастным детям! Гнилые, вонючие и опасные для жизни! А ваше имя теперь будет знать каждый лавочник, каждый дворник и каждый инспектор в магистрате! Убирайтесь вместе с помоями!

Дама покраснела, фыркнула и, прикрикнув на своих слуг, ушла.

Мужчины кивнули мне, извиняясь, приложили ладони к груди. На их лицах играли довольные ухмылки, потому что ещё никто так дерзко не разговаривал с их хозяйкой.

— Госпожа, — обратился ко мне один из них. — Мы завтра зайдём вам помочь с крышей!

Закрыв двери, я развернулась и вдруг увидела немого мальчика. Он стоял и слушал, держа в руке палку.

Я удивилась:

— Всё слышал, да? Эх, каждый раз говорю себе быть сдержаннее, но не могу вытерпеть, что вас так унижают! Помои выдавать за помощь? Бессердечно!

Мальчик кивнул.

Я спросила:

— А палка зачем?

Он неуверенно пожал плечом. Я улыбнулась:

— Только не говори, что хотел защитить меня?

Мальчик снова кивнул. Я шагнула к нему и присела, чтобы наши лица были на одном уровне.

— Даже не думай нападать! Они пожалуются и тебя бросят в тюрьму без разбирательств! Пообещай, что не будешь первым лезть в драку, хорошо?

Мальчик неуверенно пожал плечами.

— Эй, ты мне нужен здесь, в приюте. Если тебя посадят в тюрьму, я не справлюсь. Так что постарайся себя держать

в руках, ладно? И меня удерживай от грубостей всяким богатым леди.

Немой нехотя улыбнулся, а я озадачилась:

— Я ведь так и не знаю твоего имени. Не скажешь?

Мальчик растерянно развёл руками, и я поняла, что он его тоже не знал.

— Значит, будешь Тиш. Потому что тихий. Согласен? Просто мне нужно как—то записать тебя в реестр.

Он довольно кивнул.

— Ну вот и отлично, — вздохнула я. — А теперь иди спать.

На следующее утро я пошла к кузнецу. Купила некоторые инструменты и гвозди. Следовало починить крышу более основательно. Вчерашние мужики тоже пришли и вместе с Кором укрепили черепицу на крыше, забили гвозди в поперечные балки, расчистили перекрытия.

— Теперь перестанет течь во время дождя, да и задувать будет меньше, — обрадовалась я.

А затем мы с Тишем позвали швею. Женщина охнула, увидев первоклассное сукно, и вдохновлённо начала снимать мерки с детей. Скоро они смогут одеться в новые курточки, штаны и платья.

Проверка будет через семь дней. Я знала, что инспектор придёт не один. Будут вопросы о воде, о пище, об учёте, о безопасности. Я должна была всё подготовить.

Мысленно вспомнив всё то, что мы успели сделать, я успокоилась. Фильтр у ручья работал. Камин грел. Зерно сох-

ло. Ткань кроилась. Лис училась считать порции. Кор чинил лестницу. Немой мальчик чертил план здания углем на пергаменте. Малышка просто была рядом

Вечером, когда дети уснули, я открыла окно. Проветрила комнату. На подоконнике лежал конверт, без маркировки. Только адрес, написанный ровным, смутно знакомым почерком: «Смотрителю Дома у Ручья. Архивная сверка. Срок: пять дней. Требуется присутствие уполномоченного лица из реестра Пепельных Вершин. Форма №7. Приложение: список контролируемых параметров».

Я замерла. Пепельные Вершины. Архивная сверка. Это не был магистрат. Это не был городской инспектор. Это был запрос из системы, которая когда—то считала меня предательницей. Теперь она запрашивала отчёт. Не приказывала и не угрожала. Запрашивала. Я закрыла окно. Проверила, закрыты ли входные двери. Подошла к камину. Огонь трещал. Я взяла перо и открыла реестр. И начала писать ответ, обдумывая каждую букву. Чтобы знать: когда придёт время, я не открою дверь настежь. Я оставлю её приоткрытой. На ширину, достаточную для проверки. Но недостаточную для вторжения. А пока дом стоял. Дети спали. И завтра нужно будет сушить следующую партию зерна.

Глава 9. Чёрные чернила и, кажется, меня обнаружили!

Утро началось с тишины, нарушаемой лишь потрескиванием поленьев в новом камине. Я сидела перед ним, разложив перед собой конверт из Пепельных Вершин, чистые листы реестра и чернильницу. Пять дней. «Архивная сверка. Требуется присутствие уполномоченного лица из реестра». Я знала, что это означает. Форма №7 требовала тройной верификации: подпись смотрителя, печать местного архива и штамп регистратора Горной Гряды. У меня не было ни одного из трёх. Только знание системы, которую я сама помогала отлаживать, пока ещё носила герб Вальгардов. И я решила использовать это знание, а не прятаться от него.

Постепенно дети просыпались и без напоминания шли умываться к ручью. Потом они ели кашу, приправленную маслом, и жмурились от удовольствия. А уже потом начинали заниматься делами. Лис подошла первой, держа в руках пустую бутылку.

— Масло закончилось, — сказала она, не поднимая глаз. — И швея жалуется, что нить рвётся. Говорит, ткань слишком плотная для обычной нитки. А другой у неё нет.

— Пусть возьмёт вощёный шнур из торговой лавки, — ответила я, не отрываясь от черновика. — Он прочнее. И ска-

жи ей, чтобы пропитала узел смолой перед затяжкой. Масло я куплю сегодня же.

Кор спустился по лестнице, отряхивая руки от древесной пыли.

— Крыша держится. Но жёлоб на восточной стороне просел. Мужики сказали, что завтра привезут железные скобы. Забьют намертво.

— Оплати половину сейчас, половину — после установки. И проверь, чтобы гвозди были закалённые.

Кор деловито кивнул, ему нравилась такая ответственность.

Тиш стоял у камина. Он стукнул палкой по полу дважды, провёл три линии в пыли, затем указал на дверь, на стол, на угол с тюфяками. Лис переводила, не моргая:

— Он говорит, проверяющий инспектор пойдёт по маршруту: вода, запасы, спальные места. Хочет, чтобы мы убрали лишнее с прохода.

Я кивнула.

— Скажи ему, что он прав. Фильтр у ручья — первое. Зерно — второе. Матрасы — третье. Логичный подход.

Дети разошлись по делам. Я оделась, накинула плащ и вышла. Воздух был холодным, но ясным. Дорога к городскому архиву помогла продумать тактику ведения переговоров.

В канцелярии за столом сидела не та женщина. Молодая, с аккуратно уложенными волосами. Я положила на стойку бланк Формы №7.

— Мне нужна печать для архивной сверки, — сказала я.
— Требуется уполномоченное лицо из реестра Пепельных Вершин.

Она поморщилась.

— Горные формы мы не визируем. У нас нет такой печати.

— Я не прошу заверить форму по горному стандарту. Я прошу применить статью двадцать два Межрегионального соглашения. Она позволяет городскому архивариусу со—визировать документы социальной направленности, если к ним прилагается нотариальное заявление о точности данных и подпись свидетеля из числа местных жителей.

Она открыла тяжёлый том, провела пальцем по оглавлению, нашла нужный раздел. Перечитала про себя. Вздохнула.

— Статья действует. Но заявление должно быть написано чёрными чернилами. Архивы не принимают синие. И свидетель не может быть ребёнком, ремесленником или получателем помощи. Требуется лицо, имеющее статус в городе.

— Я вернусь к полудню с заявлением и свидетелем, — сказала я. — И с чёрными чернилами.

Женщина кивнула, не особо веря мне.

Я вышла, обдумывая вариант. Леди Беатрис Кловер. Она дала ткань. Она хотела репутации. Я могла предложить ей роль свидетеля в обмен на публичное подтверждение стандартов приюта. Расчёт для неё будет иметь более весомое значение, чем моя просьба. Именно так работали системы в

Ольвии.

К полудню я вернулась с леди Беатрис, которая выглядела слегка раздражённой, но заинтересованной. Она подписала заявление, поставила печать с гербом клевера, внимательно посмотрела, как я заполняю графы, и уехала, бросив на прощание:

— Надеюсь, ваш приют не станет причиной моего визита в магистрат с объяснениями.

— Он станет причиной визита инспектора с благодарностью, — ответила я.

Дверь закрылась.

Остаток дня прошёл в тишине, прерываемой лишь шорохом бумаги, стуком молотка и редкими вопросами Лис о значении слов.

— Что значит «верификация»? — спросила она, стоя у стола.

— Значит, цифры не врут. И мы не будем.

Она кивнула, вернулась к мешкам, пересчитала их в третий раз. Девчушка постепенно начинала понимать значение цифр, но я стремилась нагружать её знаниями. Пусть всё пройдет постепенно. Тиш принёс мне кружку с мятным отваром. Заросли этого растения мы нашли за ручьём в саду. Несмотря на погоду, её ещё можно было собрать и засушить, что дети и сделали.

Он не сказал ни слова. Просто поставил кружку рядом с реестром. Я сделала глоток. Горечь успокаивала.

К закату крыша была укреплена. Фильтр работал. Ткани были раскроены. Реестр заполнен. Я запечатала конверт чёрным воском, прижала большим пальцем печать рядом с городской визой, добавила оттиск клевера в качестве свидетеля. Проверила каждую строку. Каждую цифру. Каждую пометку. Ошибок не было. Только факты.

Я заперла входную дверь. Повернулась к камину.

Стук. Три удара. Пауза. Два.

Не просто стук соседей или кого—то из помогающих нам. Этот был другим. Размеренным. Знакомым.

Я осторожно открыла дверь, оставляя небольшую щель.

На пороге стоял мужчина в тёмном плаще. Высокий. Без городской символики. Но на груди, прищипленный к шерсти, лежал небольшой серебряный значок: драконий коготь, сжимающий перо.

Он не поклонился. Без улыбки протянул кожаную папку.

— Отдел архивного аудита, — произнёс он. Голос низкий. Ровный. — Я здесь не за вашей Формой №7. Я здесь потому, что реестр в Пепельных Вершинах зафиксировал расхождение. Несколько мешков горного зерна, проведённые как «доставка в гражданский сектор», были подписаны именем, которого нет в наших базах.

Он помолчал. Перевёл взгляд за моё плечо, в тёплую комнату, где застыл Тиш, где Лис и Кор удивлённо переглядывались, а малышка уж спала.

— Имя в накладной, — продолжил он, — звучит как

«Тесса у Ручья». Но реестр признаёт только одну женщину, которая когда—либо использовала этот шифр подписи. И она числится мёртвой.

Моё сердце на мгновение остановилось. Вот меня и обнаружили.

Он наклонил голову.

— Я войду, или мы проведём сверку на пороге?

Глава 10. Серебряный ключ и бывший муж за углом

Я не ответила сразу. Я посмотрела на Тиша. Он уже отошёл от входа, прислонил палку к стене и встал рядом. Безмолвный защитник, несмотря на рост и возраст. Взгляд мальчика тревожно застыл на фигуре визитёра. И я знала этот взгляд. Он означал: «Я не отступлю!»

— Снимите обувь у порога, — сказала я тихо. — И говорите тише. Малышка спит.

Мужчина кивнул. Вошёл. Я закрыла дверь. Он осмотрел убогий интерьер. Его внимательный взгляд задержался на мешках с зерном, на сушащейся мяте, на раскрытой тетради, на детских тюфяках у камина. Он передал мне кожаную папку, не снимая перчаток.

— Мастер Вэлен. Проверка поставок из Пепельных Вершин, — произнёс он ровно. — Я не от городского совета. Я от учётного отдела. И наши цифры не сходятся.

Я налила прохладной воды в чашку, протянула ему.

— Вы далеко от своих гор, мастер Вэлен.

— Цифры доходят быстрее гонцов, — он взял чашку, сделал глоток. — Три мешка горного зерна. Отправлены под гражданским именем. Оплачены из закрытого резерва. Бумаги чистые. Происхождение — нет.

Я протянула ему свою тетрадь. Голос мой звучал ровно, но внутри всё сжалось. Странно было, что про золото не спросили, а привязались к жалким мешкам зерна. Будто это был лишь повод... Это пугало сильнее. Я усилием воли заставила руки не дрожать.

— Тогда проверяйте. Я веду две книги. Одну для города. Вторую для нас. Каждая запись совпадает. Поступления подписаны свидетелями.

Он приподнял бровь.

— Свидетелями—детьми?

— Жителями этого городка, — тихо поправила я. — С каждым днём они старше.

Он не стал спорить. Полистал страницы. Сравнил даты. Сверил цифры со своей папкой. Кивал медленно. Казалось, лишь ищет повод что—то разузнать.

— Вы используете Форму семь, — заметил он.

— Её не отменяли.

— Она требует утверждённого руководителя. У вас его нет.

— У меня есть печать городского архива. Отметка местной женщины со статусом почётного жителя. И цепочка записей, которые не врут...

Он постучал пальцем по своей папке.

— Закону важны имена. А ваше, мягко говоря...

Лис подошла ближе.

— Она считает всё, — сказала она. Голос был тихий, но

твёрдый. — Даже соль. Если вы сомневаетесь в ней, сомневайтесь во мне. Я слежу за полками. Если чего—то не хватает, вините меня!

Девочка выкрикнула последние слова, едва сдерживая слёзы.

— Лис! — я с жалостью позвала я, поражённая таким поступком.

Вэлен посмотрел на неё. Не улыбнулся, но спросил спокойно:

— Сколько зерна осталось?

— Два мешка, четыре меры, — ответила Лис без запинки.

— Хватит на сорок два дня.

Он моргнул. Повернулся ко мне.

— Вы научили её складскому учёту?

— Она научилась сама, — сказала я. — Я только показала, не скрывая своих действий.

Он закрыл папку.

— Я пришёл за ошибкой. Нашёл систему учёта. Но система, привязанная к имени, которого не должно быть, — слабое место.

Я выдержала его взгляд. Внутри всё дрожало, но я не показала этого.

— Имена — это всего лишь ярлыки. Ответственность — реальна. Если вам нужна подпись, я подпишу. Если вам нужен титул, то лучше посмотрите в книги. Цифры не лгут.

Он встал. Поправил плащ.

— Я подам отчёт. Расхождение закроют. У вас тридцать дней, чтобы оформить приют официально. Или мы повторим проверку.

— Поняла.

Он пошёл к двери. Остановился. Овернулся.

— Ещё одно. Такой вид подписи... уже встречался. В драконьих поселениях нижнего гарнизона. Его использовала женщина, которая отправляла продуктовую помощь во время обвала двадцать третьего года. Она исчезла три месяца назад.

Я не шелохнулась. Лицо оставалось спокойным. Сердце билось где—то в горле.

Не ожидая ответа, он вышел. Я заперла дверь.

Выдохнула. Затем записала визит в свой реестр. Закрыла книгу. Подошла к окну, которое мы вычистили и освободили от мусора совсем недавно. Выглянула на тёмную улицу.

У угла стоял человек. Не Вэлен. Выше. Шире. Опаснее. Даже отсюда я узнала силуэт и охнула, обхватив ладонью рот. Он был в тёмном плаще с поднятым воротником. И не двигался. Можно было подумать, что я ошиблась. Но нет. Я точно знала, кто это.

Дариан не приближался. Просто смотрел на приют и, казалось, безошибочно видел, где я стою. Потом опустил руку. Что—то маленькое упало на брусчатку и покатилося к водостоку. А затем резко развернулся и решительным шагом направился прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.